

Иоанна-Яна Калниня

Проблемы подготовки гомилета к проповеди

В статье рассматривается процесс подготовки гомилета к проповеди как *служению слова*. В нем выделяются следующие этапы: формирование личности будущего проповедника, призвание его на служение, получение специального образования. Отдельно затронуты проблемы подготовки непосредственно к произнесению проповеди (проповедничеству). Дополнительный интерес представляет анализ двух самостоятельных видов проповеди — письменной и устной (импровизации) и особенности подготовки к каждой из них.

Автор приходит к выводу, что рекомендации по подготовке к проповеди в разные эпохи христианской истории во многом совпадают. Это свидетельствует о том, что данное служение коренится в традиции первоначальной церкви, т. е. в служении Христа и апостолов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проповедь, гомилет, учительность, пророк, импровизация.

Эта работа посвящена исследованию проблем, связанных с подготовкой гомилета к проповеди. Тема анализировалась в контексте католической традиции неразделенной церкви, а также православной русской традиции¹.

Проповедь (гомилія или омилия, греч.: ὁμιλία) — это речь, произносимая в собрании верных членов церкви, связанная с их обучением полноте церковной жизни. Для архиеп. Амвросия проповедь — это прежде всего *живое слово*. «Слово Божие живо и дей-

1. Основными источниками послужили работы учителя и гомилета IV в. блж. Августина «Христианская наука, или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия», а также известного русского проповедника-импровизатора XIX в. архиеп. Амвросия (Ключарева) «Искусство проповеди». Были использованы материалы лекций по гомилетике проф.-свящ. Георгия Кочеткова, прочитанные им в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. Также важны рекомендации митр. Сурожского Антония

молодым священникам, изложенные в его сборнике «Пастырство», мысли о проблемах гомилетики протопр. Александра Шмемана и свящ. Сергея Желудкова. В вышеперечисленных трудах нас в первую очередь интересовали свидетельства гомилетов об их личном опыте подготовки к проповедничеству. Во многом они совпадают, но есть и отличия, продиктованные особенностями времени и обстоятельством. Источником исторических сведений послужил «Учебный курс по истории проповедничества РПЦ» прот. Александра Ветелева.

*1 Евр 4:12

*2 Быт 1:1–2:25

*3 Пс 32:9

ственно», — говорит апостол *1. Уже первые главы Священного писания *2 рисуют картину творения мира и человека, которое совершается Словом Божиим: «...и сказал Бог: да будет...». Или: «...ибо Он сказал — и сделалось, Он повелел — и явилось» *3. Само понятие живого слова, заимствованного из Писания, как пишет архиеп. Амвросий, в буквальном смысле «есть слово дающее, возбуждающее и направляющее жизнь» [Амвросий (Ключарев), 35].

Эта же животворящая сила присуща и природным дарованиям человека, воплощающимся в слове поэтическом, философском, ораторском, хотя и в гораздо меньшей степени. Отличительная черта проповеди в том, что она хотя и произносится устами человеческими, но «исходит не от души человеческой, а от Духа Божия, и только орудием человеческого слова передается человеческому слуху» [Амвросий (Ключарев), 35]. Об этом свидетельствует ап. Павел: «...а я, по данной мне благодати говорю...» *4 и «не я повелеваю, но Господь» *5. Апостол Иоанн четко различает в себе личный дар слова, который называется духовным помазанием и сообщается христианам при крещении: «...на вас помазание от Бога, и вы сами знаете истину» *6.

*4 Рим 12:3

*5 1 Кор 7:10

*6 1 Ин 2:20

Таким образом, под проповедью мы понимаем живое слово, первоисточником которого всегда является Сам Бог. Она важнейшая часть церковного богослужения и должна соответствовать его уровню. Недаром свящ. Сергей Желудков подчеркивал, что

дать священнику право на проповедь — в сущности, это все равно, как если бы разрешить ему вводить в службу молитвы или стихиры собственного сочинения. Даже больше того: ибо стихире могут еще не понять, а проповедь ведется на русском языке, это вполне открытое для всех современное литургическое творчество [Желудков, 97].

Далее, говоря о важности качества проповеди, он отмечал:

Церковная проповедь не может оставить просто *безразличного* впечатления: хорошая — она очень воодушевляет, фальшивая — непременно приносит вред, внушает отвращение, отравляет душу [Желудков, 97].

Отец Александр Шмеман считал проповедь «органической частью богослужения или, еще шире, церковной жизни, естественным и необходимым выражением христианства как вечно новой, вечно благой и животворящей вести» [Шмеман. *О церковной проповеди*, 748] и видел назначение проповеди в том, чтобы

не утолять, а усиливать духовную жажду, чтобы своим светом призывать ко свету [Шмеман. *О церковной проповеди*, 750].

Оратора, произносящего проповедь, мы называем проповедником (гомилетом). Он призван возвещать волю Божию, открывать христианские истины верным чадам церкви, обличать отпавших от благодати, способствуя тем самым делу общего спасения. «Иисус Христос вливает словом Своим жизнь в души человеческие по Божеству Своему, а пророки и апостолы — по благодати Святого Духа, сопровождающей слово их» [Амвросий (Ключарев), 35]. В своей рецензии на сборник проповедей архим. Александра (Семенова-Тян-Шанского) о. Александр Шмеман отмечает как несомненную удачу пронизанность его проповедей ровной, духовной радостью, «ибо радость эта, действительно, “не от мира сего”, а от уже узренного, уже пережитого явления Царства Божия внутри нас и посреди нас» [Шмеман. *О церковной проповеди*, 750]. Она и является подлинным ключом к христианству. И если призвание проповедника столь высоко, то сколь же тщательной должна быть подготовка его к служению.

Далее рассмотрим проблемы подготовки гомилета к проповеди как к *служению слова*. Сюда входит воспитание, формирование личности будущего проповедника, призвание (или помазание) его на служение, получение им соответствующего образования, а также вопросы подготовки непосредственно к *произнесению проповеди* — *проповедничеству*.

Служение слова связано с учительской харизмой. Проповедник должен стремиться познавать волю Божию, а значит, быть причастным к духу пророческому. Подготовка и судьба каждого пророка уникальна, ибо связана с самой жизнью, которая чаще всего не вписывается ни в какие правила и превосходит их. *Дух дышит где хочет* ^{*1}, оставляя место свободе и творчеству.

*1 Ин 3:8

Необходимо также помнить, что ответственность за обучение церковного собрания лежит не только на проповеднике, но и на всем собрании верных, которое может принять или отвергнуть преподанное учение. Отец Александр Шмеман определяет страх Божий как «постоянно ощущаемое желание проповедника скрыться за величием и светом возвещаемого». Если проповедь проповедника «не доходит», то не потому ли, что «мы сами еще не готовы услышать, принять, понять?» [Шмеман. *О церковной проповеди*, 750]. Следовательно, сами слушатели должны быть подготовлены к восприятию проповеди.

Вслед за архиеп. Амвросием мы будем различать проповедь *письменную* и *устную*, или *импровизацию*. Наша задача показать, что импровизация — совершенно особый вид проповеди, имеющий некоторое преимущество² и требующий качественно иной подготовки. Именно этот вид проповеди уходит своими корнями в традицию — так проповедовал Христос и апостолы. Способность к импровизации, на наш взгляд, является одной из отличительных черт учительности как способности быстро и точно отвечать на вопросы, продиктованные жизнью.

Проблема учительности

Прежде всего необходимо ответить на вопрос — кто в церкви может проповедовать? Этот вопрос непосредственно связан с проблемой подлинности призвания: «Не вы меня избрали, а Я вас избрал»^{*1}. Отец Александр Шмеман, комментируя эти слова Христа, отмечает:

*1 Ин 15:16

Тайна избрания и призвания есть первое, что всегда должен помнить и сознавать пастырь Церкви. Церковь создается и живет Духом Святым, и все служения в ней поэтому — от Бога. В Церкви нет и не должно быть самозванства, в ней действительно и плодотворно только то, что от Бога [*Шмеман. Из лекций, 733*].

Традиционно в церкви проповедуют духовно старшие — те, кому Господь открывает Истину и через кого воля Божья возвещается всей церкви. Апостолы, избранные и посланные на дело благовестия Самим Господом, указывали, что на служение слова должен избираться тот, кто держится «истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать»^{*2}. Еще в ветхозаветной церкви появляется сначала пророческое, а затем и учительское служение. Пророки обличали народ Божий, когда он забывал свое высокое призвание, учителя заботились о научении вере, сохранении и передаче истинной традиции из поколения в поколение.

*2 Тит 1:9

В новозаветной церкви Сам Христос выделяет из среды верующих достойных, чтобы поставить «одних апостолами, других

2. Архиеп. Амвросий писал: «...проповедник в заботе произнести отчетливо готовое слово не найдет в себе этой свободы, этой силы творчества, которой требует природа импровизации. Она должна быть

начинаема и оканчиваема именно как импровизация, как род слова самостоятельный, свободный и своеобразный, не смешиваемый ни с каким другим родом слова» [*Амвросий (Ключарев), 70*].

пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения... в меру полного возраста Христова»^{*1}. Избранничество и помазание на проповедь исходило от Самого Бога. Уже в *Дидахе*³ мы встречаем предписания, какие требования должны предъявляться к учителям и пророкам:

*1 Еф 4:11–13

Если кто, придя [к вам], будет учить вас всему этому прежде сказанному, примите его. Если же сам учащий, повернувшись [в другую сторону], будет учить иному учению, в нарушение, не слушайте его; [если] же в прибавление праведности и познания Господа, примите его как Господа... Не всякий же говорящий в духе пророк, но [только] если имеет нравы Господни. Ибо по нравам познается лжепророк и пророк... Всякий же пророк, учащий истине, если не делает то, чему учит, — лжепророк. Всякий же пророк проверенный, истинный созидающий таинство Церкви в мире, но не учащий делать то, что он делает, [да] не будет судим вами, ибо он имеет суд с Богом. Ибо так делали и древние пророки^{*2}.

*2 *Дидахе*. II. 1–2, 8–11

Итак истинность пророка и учителя должна быть проверена и подтверждена праведностью его жизни. Необходимость проверки говорит о том, что благодатный дар, полученный однажды, может быть утрачен.

К епископам и дьяконам цитируемый памятник также предъявляет серьезные требования:

Поэтому рукополагайте себе епископов и диаконов достойных Господа, мужей кротких и несребролюбивых и истинных и испытанных, ибо вам служат и они службу и пророков и учителей. Не пренебрегайте ими, ибо они почтены среди вас вместе с пророками и учителями^{*3}.

*3 *Дидахе*. 15. 1–2

Довольно быстро после появления епископского служения в церкви утверждается сознание, что учительность, как особенно благодатный дар слова, присуща только епископам. Хотя, по словам митр. Антония (Блума), само по себе «рукоположение не дает человеку ни ума, ни учености, ни опытности, ни духовного возраста. Оно дает ему страшное право стоять перед престолом Божиим там, где только Христос имеет право стоять» [*Антоний (Блум)*, 180].

3. Здесь и далее приводится в пер. прот. Петра Преображенского.

Рукоположение не является и гарантией достоинства. Низведение даров Святого Духа — посвящение — является поставлением на священническое служение, но, как писал о. Александр Шмеман,

было бы крайне ошибочно думать, что посвящение «самодостаточно» и составляет единственное условие для священства. Таинство священства *исполняет* весь путь подготовки, дар дается тому, кто подготовлен к его приятию и правильному его употреблению... восприятие благодати непременно предполагает учение и подготовку [Шмеман. Из лекций, 735].

Хотя в разные эпохи подготовка могла отличаться по форме, но «принцип ее абсолютен и принадлежит апостольскому Преданию и канонической норме Церкви» [Шмеман. Из лекций, 736]. Нельзя сводить идею священства ни к магическому восприятию — как «совершителя Таинств», ни к мирскому понятию «успеха». О необходимости духовной подготовки к священству свидетельствуют слова свт. Иоанна Златоуста: «Берут невежд и делают их распорядителями тех, за кого Сын Божий заплатил Своею кровью» [цит. по: Шмеман. Из лекций, 736].

*1 Еф 4:11–13

На основании приведенных выше слов ап. Павла *1 Трулльский собор запретил мирянам проповедовать в церковном собрании⁴. Явление разделения на «учащую» и «учащуюся» в церкви возникает достаточно рано (уже в конце II в.). Христос говорит: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» *2. Свобода в церкви пребывает потому, что в ней есть любовь совершенная — «в любви нет страха, а совершенная любовь изгоняет страх» *3. Значит, как пишет протопр. Николай Афанасьев, в церкви «любовь, свобода и истина — понятия тождественные: свобода как следствие любви и истина как содержание свободы. Нарушение свободы означало бы оскудение любви и боязнь истины» [Афанасьев, 83]. В таких условиях живая проповедь неизбежно угасает, а подготовка проповедника к служению заключается прежде всего во внешней образованности, приводящей к знаниям о Боге, но не Самого Бога.

*2 Ин 8:32

*3 1 Ин 4:18

Апостол говорит, что верные в поисках истины не должны бояться высказывать свои мнения: «Ибо надлежит быть разногласиям между вами, дабы открылись между вами искусные» *4.

*4 1 Кор 11:19

4. 64-е правило Трулльского собора: «...не подобает мирянину (лаику) пред народом произносить слово или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноваться преданному от

Господа чину, отверзати ухо приявшим благодать учительского слова, и от них поучатися божественному».

Человек может ошибаться, но Дух Святой не ошибается никогда. Поэтому хранителем и выразителем истины, согласно католической вере, является весь народ Божий. Все верные ответственны за то, как происходит ее познание. «Если кто разорит храм Божий, того покарает Господь: ибо храм Божий свят, а этот храм — вы»^{*1}. Значит, готовность выйти на проповедь должна быть у каждого христианина, а Господь изберет искусных.

*1 1 Кор 3:17

Плоды кризиса в познании истины мы можем наблюдать во времена схоластики. К этому времени к *учащей церкви* стало принято относить исключительно клир — рукоположенное священство. Отец Александр Шмеман считал явление разделения церкви на клир и мирян — и, как следствие, появление двойной морали в церкви — идеей глубоко не православной, потому что «церковь в целом есть царственное священство, народ избранный, храм Святого Духа» [Шмеман. *Из лекций*, 736]. И хотя в Восточной церкви это разделение имело более мягкие последствия, в сознании верующих крепко утвердилось представление о непогрешимости епископата и клира, а следовательно невозможности оспаривать мнение священника. Отсюда — отсутствие отклика на проповедь в народе Божьем и безмолвие по ее окончании. Исключается сама возможность проверки на истинность преподаваемого учения, тем самым верующие снимают с себя всякую ответственность за духовное суждение и принятие истины. Проповедь становилась далекой от жизни и потому недейственной. Таким образом было утрачено само понимание природы проповеди как творческого акта, связанного с познанием Истины, в котором участвуют одновременно и сам проповедник, и все церковное собрание. Лишь в XIX в. в межконфессиональной полемике родилась формула, выраженная в Послании восточных патриархов, что хранителем истинной веры является весь народ, поэтому разделение церкви на учащую и учащуюся невозможно.

Но и в наше время этот вопрос не решен до конца. Отец Сергей Желудков видел проблему скудости живой проповеди в церкви не в отсутствии дара слова или недостатке образования у проповедников, а «в общем “учительном” кризисе современного христианства» [Желудков, *лог*], которое еще не нашло своего словесного выражения. Отец Александр Шмеман считал, что церковь не сможет преодолеть этот кризис пока не перестанет служить «на потребу». Соединение закона веры и закона молитвы произойдет тогда, когда на первый план выйдут не институциональные вещи, а внутренняя жизнь церкви — осознание себя прежде всего как Тела Христова.

Проблема образования (красноречие и мудрость)

В. О. Певницкий — профессор Киевской духовной академии — предлагал считать проповедь видом ораторского искусства (а не собеседованием, каковым она, возможно, была в древности). При этом он напоминал, что ораторство — это «самое естественное явление в ряду словесных произведений» [Певницкий, 3], для которого внешнее изящество стиля не является самым главным и отличительным его свойством, как часто принято считать. Тем более что «сила ораторства не во внешней искусственности, а во внутренней энергии и правде слова и она часто проявляется более в простом, чем внешне искусственном слове» [Певницкий, 3]. Архиеп. Аверкий (Таушев) предлагает рассматривать проповедь с двух сторон — как вид ораторства (красноречия) и как исполнение церковно-религиозного служения [Аверкий (Таушев), 6]. В своей книге «Христианская наука...» блж. Августин называет *красноречием* то, что связано с ораторским искусством, а духовную зрелость, необходимую для столь ответственного церковного служения как проповедничество — *мудростью*. Но в самом этом разделении заложено некое противоречие. Анализируя отрывок из послания ап. Павла ^{*1}, он заключает: «Сии и подобные сим правила красноречия преподаются в науке красноречия, но мы утверждаем, что Апостол не следовал правилам красноречия, а напротив, красноречие следовало за его мудростью» [Августин Аврелий, 177]. В истории церкви лишь в редких случаях эти обе стороны в проповеди сочетались гармонично⁵.

Поэтому образование гомилета в первую очередь должно быть связано с вхождением в предание церкви, в глубину ее традиции. Для того чтобы изъяснять Священное писание другим, прежде всего необходимо научиться открывать в нем истинные смыслы самому. Августин выделяет некоторые ступени в подготовке проповедника к исполнению служения. Начинать он рекомендует с собственно внутреннего, духовного пути очищения сердца

*1 Рим 5:3–5

5. Пожалуй, употребление риторических приемов было оправдано только для Византии, где и оратор, и слушатели имели риторское и философское образование. Ведь проповедь должна звучать на живом языке, вызывая в памяти слушателей ассоциативные ряды, столь необходимые для ее восприятия аудиторией. Что касается Руси, то славянский язык никогда не был разговорным. А это делало

проповедь оторванной от жизни и затрудняло ее восприятие верующими. Уже свт. Димитрий Ростовский (1651–1709) ясно сознавал, что проповедь, написанная по правилам ораторского искусства, не годится для неученых людей, и потому составлял особые проповеди для «простого и препростого» народа в Ростове (хотя сам еще не был до конца свободен от влияния схоластики).

и приготовления его для принятия мудрости. Чтобы слово проповедника было *со властью*, ему необходима Премудрость, а начало Премудрости — *страх Господень* *¹. Иными словами, проповедь должна быть помазанной Духом, а сам проповедник — церковным. Августин приводит следующие рекомендации по углубленному изучению Писания:

*¹ Притч 9:10

- Изучение собственно текста Библии и правил его изъяснения, стремление познать в нем волю Божию.
- Изучение самого предмета истолкования. Необходимо постигать смысл предмета, который обозначает слово, и различать, в каких случаях слово является знаком, который указывает на иной смысл. Важен выбор хорошего перевода Писания и желательно знание как минимум двух языков — еврейского и греческого [Августин Аврелий, 92].
- Непонятные выражения рекомендуется выписывать и запоминать, чтобы вникать в их смысл постепенно [Августин Аврелий, 90].
- Необходимо знание истории, которая способствует пониманию священных книг («хотя без отношения ее к Церкви она составляет науку самую детскую») [Августин Аврелий, 107].

Но самое главное — и это блж. Августин подчеркивает особо — не только узнавать в Писании разные стороны речи и удерживать их в памяти, но молить Бога, чтобы Он дал ум разуместь Писание [Августин Аврелий, 167]. Приступать же к его изучению нужно в духе кротости и смирения, помня о том, что любовь Христова — основа всего [Августин Аврелий, 117].

Августин не отвергает и пользы светского образования, в том числе и изучения ораторского искусства, которое он называет искусством красноречия. «Наука делать определения, разделения и исчисления частей не есть наука ложная... и не изобретена людьми, но только осознана ими на опыте», — пишет он, но уточняет: «Одно дело знать правила соединения мыслей, иное — знать самую истину мыслей» [Августин Аврелий, 115]. Чтобы наиболее плодотворно сообщать или выражать смысл Писания, *желательно*:

- Изучение наук умственных: науки рассуждать и науки счислять (или логики), чтобы научиться избегать так называемых «софизмов — ложных следствий на основании истинных причин» [Августин Аврелий, 111].
- Изучение искусства красноречия, для того чтобы повествование было кратко и ясно, а не скучно и трудно для понимания; в исследовании — находить правильные доводы для утверждения

истины и опровержения лжи; и в заключение силою слова увлечь людей и вдохновлять, а не повергать в уныние и ужас.

Августин подчеркивает, что сама по себе риторика как наука стоит между истиной и ложью и только «людям добрым дает орудие к истине» [Августин Аврелий, 168]. Он рекомендует изучать ее заблаговременно и скоро, что возможно только в молодые годы. Тогда как проповеднику, призванному на служение в зрелом возрасте, гораздо полезнее учиться красноречию посредством чтения и слушания церковных ораторов, «особенно если вместе с чтением будет заниматься перепиской оных либо диктованием, а напоследок и сказыванием собственных речей о том, что сам он смыслит и чувствует по мере веры и благочестия» [Августин Аврелий, 171]. И далее он подводит итог: «...едва ли кто может говорить красноречиво и одновременно и вместе помышлять о правилах красноречия в тот момент, когда говорит... сии люди естественно и невольно следуют правилам искусства ораторства, потому что они ораторы, а не подчиняются правилам, дабы сделаться таковыми» [Августин Аврелий, 168].

Владыка Амвросий в своей книге «Искусство проповеди» тоже уделяет этому вопросу особое внимание. На вопрос: «Как говорить?» — он смело отвечает: «Как можете и как умеете» [Амвросий (Ключарев), 82]. Что же касается примера опытных импровизаторов, то он рекомендует слушать их возможно чаще, учиться у них самообладанию, спокойствию, плавности, последовательности речи, но предостерегает от того, чтобы

перенимать личные, собственно им принадлежащие приемы и особенности как в складе речи, так и в ее выражении. Приемы каждого оратора обуславливаются его личными дарованиями и природными свойствами. Подражая рабски, можно усвоить себе манеру вам не свойственную, искусственную и потому дурную. О внешних приемах слова в импровизации, кроме естественной раздельности, ясности, выразительности, ни о чем не нужно больше ни думать ни заботиться; при этом что есть в вашей природе, само собой скажется... Каждый должен быть самим собой, если не хочет быть странным [Амвросий (Ключарев), 82].

Проповедь — дело богочеловеческое; как во всяком служении, в ней раскрывается подлинная личность проповедника, а слепое подражание рождает лишь неестественность в приемах.

«Между тем, как бы ни была возвышенна проповедь наша, но в действительной победе над слушателями всегда более веса

и силы имеет жизнь проповедника, а не слово его», — признает блж. Августин [*Августин Аврелий*, 223]. Об этом же напоминал и митр. Антоний:

На Страшном суде каждый из нас, пастырей, станет перед Господом, Пастыреначальником, Который жизнью Своей проповедовал, а не одним лишь словом, и тогда услышит: сколько ты правды сказал, какие глубины ты познал из Евангелия, из учения Святых отцов, — а жил ли ты сам согласно тому слову, которое поразило тебя в сердце и которое ты проповедовал людям?.. [*Антоний (Блум)*, 65].

Известно, что «от избытка сердца говорят уста»^{*1}. С учетом этого соответствующее образование желательно, но не есть определяющий фактор в подготовке проповедника к служению (риторское искусство может быть лишь одной из составляющих образования проповедника). Проповедь не будет действенной, если ее язык недоступен пониманию слушателей. Об этом же писал и митр. Антоний, отвечая на вопрос, как проповедовать:

*1 Мф 12:34

Всей жизнью готовься. К проповеди не готовятся просто засев за письменный стол и окружив себя толкованиями святых отцов. Когда отцы говорили, слова их шли из сердца, они *кричали* из глубины своего опыта. Если мы будем просто повторять то, что они говорили, может никуда не достичь их крик [*Антоний (Блум)*, 24].

С момента принятия христианства на Руси первостепенной задачей было просвещение народа. Проповедник, даже если он получал риторское образование, должен был ориентироваться на простой народ, а не щеголять витиеватостью стиля. Примером может служить свт. Тихон, епископ Воронежский⁶. При изложении правил христианской нравственности он стремился «быть как можно понятнее»; для этого он прибегал «к образам и сравнениям, заимствованным из общественной жизни», спускаясь

6. Свт. Тихон, епископ Воронежский (1724–1783), получил образование в Новгородской семинарии, где преподавал сначала греческий язык, а затем риторiku. Из его проповедей до нас дошли очень немногие (всего 42), так как он редко записывал свои проповеди и часто говорил импровизации. Но и они дают достаточно полное представление о характере его гомилетического творчества. Свидетельством действенности его проповеди

может служить такой случай. В 1765 г. святитель обратился к пастве с увещанием против праздника Ярилы, обличив бесовскую языческую сущность этого праздника. Его слово произвело на паству неизгладимое впечатление, и этот день в Воронеже больше не отмечался. Такое же действие возымела его проповедь о пресечении бесчинств, случившихся в Сырную седмицу.

«в сферу деятельности слушателей...» [Ветелев]. На первое место проповедник должен ставить дело спасения, а не желание блеснуть своей образованностью и риторским искусством. Но в истории известны и обратные примеры, когда проповедники так далеко отходили от жизни, что переставали нести свое основное призвание⁷.

Излагая свои гомилетические взгляды, выдающийся мастер импровизации архиеп. Иннокентий (Борисов) (1800–1857) наставлял:

Пишите, во-первых, просто, без всяких умствований... Видите, как евангельские истины просты и доступны для каждого, и как они обильны мыслями... Пишите, во-вторых, не с тем, чтобы блеснуть, себя показать... а чтобы убедить, наставить, вразумить... Но главное, вы сами должны быть прежде всего убежденными в той истине, какую хотите передать другим, а для этого нужна твердая вера и доброе сердце. В-третьих, помните, что, выходя на середину церкви для проповеди, вы выходите как на всемирную апостольскую проповедь, что вы то же, что посланники Божьи... Вы возблагодарите... и произнесете проповедь прекрасно... Наконец, в-четвертых, принимайте слушателей, кто бы они ни были, не более как за ваших учеников, и вы будете говорить смело и свободно. Говорите, а не читайте... [Разумихин, 133–134].

Различие слова письменного и устного

Всякое слово в общем смысле устное, и изначально оно именно в такой форме и существовало. Слово письменное непосредственно связано с необходимостью передавать традицию христианской веры из поколения в поколение. Оно возникает как раз в момент угрозы размывания этой традиции, то есть в момент оскудения веры, и помогает «закреплять и сохранять посредством письменности истины, познания, законы и прочие необходимые для человека средства охранения его духовной и телесной жизни» [Амвросий (Ключарев), 37].

7. Так, в Византийский период (с нач. V в. по 1453 г., согласно периодизации прот. Александра Ветелева) проповедь становится все более отвлеченной от духовно-нравственных проблем современности и потому абстрактной. По мнению Ветелева, данный период характеризуется процессом превращения живой, действенной проповеди в сухую, отвлеченную схоластику. И это лишь подтверждает наше предположение, что блестящее знание Писания и правил

красноречия без святоотеческой веры и подлинного апостольского духа для проповедника бесполезно. Конечно, нельзя утверждать, что все проповедники этого периода пошли по пути схоластики. Ведь к нему относятся и такие святые, как прп. Феодор Студит (759–826) — родоначальник Студийского устава, создавший знаменитые краткие проповеди «Оглашения», и прп. Симеон Новый Богослов († 1032) — вдохновенный мистик и проповедник.

Проповедь относится к жанру *письменного слова*, если она прежде произнесения была записана, а затем прочитана либо с листа, либо наизусть. Такая проповедь, которая перед публичным произнесением складывалась лишь в уме и сердце проповедника и рождалась в окончательном своем варианте непосредственно перед слушателями, относится к *слову устному* (в этой работе мы будем называть ее *импровизацией*). И тот и другой вид проповеди непосредственно связан с творчеством, использование обоих оправдано и определяется скорее даром самого проповедника.

Примером мастерства письменного и устного слова могут служить проповеди двух замечательных проповедников XIX в. — свт. Филарета (Дроздова), митрополита Московского, и свт. Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического. Как говорил один из историков отечественной гомилетики А.И. Разумихин,

можно сказать, что они дополняют один другого. Через чтение проповедей митрополита Филарета можно создать навык к раскрытию религиозных истин, заимствуя из них глубокие и сильные мысли и применяя их к различным обстоятельствам жизни слушателей. Через чтение проповедей архиепископа Иннокентия можно развить в себе силу чувства и способность воображения и научиться тому, как высокие христианские истины облекать в живые, обаятельные для сердца образы [Разумихин, 142].

Но в том и проявляется отличие слова письменного от устного, что в проповедях первого типа мы слабо представляем слушателя, которому они предназначались, зато очень чувствуем творца, которым они создавались. Святитель Филарет, как известно, сначала писал свои проповеди, а потом заучивал их наизусть. Владыка Иннокентий, наоборот, исходил от человека, приспособившая к нему очередную истину своей проповеди. Вот почему он особенно любил проповедовать о том, что наиболее близко человеческому сердцу: «Для него важно было найти для своей проповеди какое-либо исходное жизненное положение, чтобы затем из него развернуть все внутреннее содержание своей проповеди» [Ветелев].

Августин считал импровизацию более действенным видом проповеди именно потому, что она позволяла следить за реакцией слушателей:

Народ, жадный к познанию, обыкновенно нетерпеливым движением выражает, понял ли он проповедника. Пока нет сего движения, до тех пор проповедник должен представлять исследуемый предмет с различных точек и облекать оный во всевозможные разнообразные виды речи. (Этого не в состоянии, замечу мимоходом, сделать такие проповедники, кои произносят поучения заранее приготовленные и слово в слово затверженные на память.) [*Августин Аврелий, 188*].

Архиепископ Амвросий также считал, что «наибольшая сила жизни принадлежит и теперь, как было до изобретения письменности, устному слову: без него все книги и заключенные в них сокровища останутся мертвым капиталом» [*Амвросий (Ключарев), 38*].

До определенного момента нет различия в подготовке проповедника к служению. Оно начинается именно в тот момент, когда проповедник приступает к самому творчеству, связанному с написанием или произнесением проповеди. Причем тут различие коренное. Владыка Амвросий подчеркивает, что невозможно научиться импровизации через заучивание наизусть чужих или даже своих проповедей. Это качественно иное действие, требующее включения иной работы ума:

Известно, что мышление есть самый трудный вид нашей духовной деятельности. <...> Другую трудность после обдумывания предмета представляет его изложение. <...> Третья трудность представляется в облечении мысли в слово. <...> Все эти трудности, нелегко побеждаемые в кабинете, на свободе и при неспешной работе, импровизатор встречает разом и притом перед публикой... Прибавьте к этому еще заботу, которой не имеет писатель, работающий в кабинете, — это необходимость сейчас же без остановки, плавно и по возможности выразительно произносить речь, рождающуюся и складывающуюся на глазах слушателей [*Амвросий (Ключарев), 46*].

Конечно, импровизированные проповеди уступают сочинениям по внутренним качествам — они могут показаться нестройными, не всегда последовательными и полными, по стилю не лишенными шероховатостей. Но этих внешних недостатков слушатели как правило не замечают, потому что в момент произнесения проповеди они живут жизнью оратора, проникаются его ощущениями и им некогда критиковать его. И здесь кроется тайна «того особенного увлечения, какое овладевает слушателями при счастливой и сильной импровизации» [*Амвросий (Ключарев), 48*]. И так было всегда — со времен Христа и апостолов. По мнению архиеп. Амвросия,

речь импровизатора может быть «не так глубока, не так стройна и изящна, как писаная в кабинете, но она близко подошла к жизни, она говорила понятным ей языком, она с ней слилась и тем направила ее куда нужно. Такие речи по преимуществу владеют народными массами» [*Амвросий (Ключарев)*, 45].

Помимо трудностей, упомянутых выше, импровизатор встречается на своем пути и опасности — «оробеть, смутиться, запутаться и затем подвергнуться порицанию и насмешкам..» [*Амвросий (Ключарев)*, 46]. Хотя навык помогает их преодолеть.

По мнению архиеп. Амвросия, трудно выделить приемы и правила, которыми можно руководствоваться при подготовке к импровизации. Он предлагает идти путем «наблюдения и опыта» в надежде, что они «наведут нас на некоторые правила и законы» [*Амвросий (Ключарев)*, 48]. В XIX в. живая проповедь в России была редкостью, нужно было еще найти проповедников, имеющих крылья, но робеющих летать. Поэтому рекомендации архиеп. Амвросия носят характер не столько положительный, сколько отрицательный, т. е. направлены скорее на устранение трудностей на пути импровизатора. Однако бывают случаи, когда человек, выходящий на проповедь, дерзостью, а не дерзновением покрывает недостаток таланта, необходимого для импровизации. Владыка замечал, что «непоследовательность и запутанность в мыслях, недостаток вкуса и чувства приличия в выборе слов делает этих импровизаторов людьми опасными в деле служения церкви» [*Амвросий (Ключарев)*, 65]. И хотя призвание он определяет очень просто — идти туда, куда зовут, все же проповедник, ощущающий себя призванным на служение импровизатора, должен трезво оценить свои силы:

- у него должен уже быть некоторый «опыт устной речи, свободной, ясной, приличной...» [*Амвросий (Ключарев)*, 65];
- необходимо понаблюдать за собой, есть ли «быстрота соображения и находчивость» [*Амвросий (Ключарев)*, 65];
- «Импровизатор не должен в суждении о достоинстве своих речей полагаться на собственное о себе мнение, а следить за мнением других...». И далее: «...кто хочет преуспевания в каком бы то ни было серьезном деле, тот не должен щадить своего самолюбия... а в делах трудных, к которым относится и импровизация, долго надобно учиться» [*Амвросий (Ключарев)*, 66]. В освоении искусства импровизации важны «постепенность, навык, опыт» [*Амвросий (Ключарев)*, 80].

Рекомендации архиеп. Амвросия делятся на два вида: сначала относительно употребления слова, или внешних приемов

импровизации, потом относительно самого содержания импровизации, или внутренней ее стороны (выбора предмета, составления плана развития мысли и т. д.). Что касается внешней подготовки, то он советует *начинающим* импровизаторам:

- учиться приобретению спокойствия и самообладания, что является актом подчинения душевных движений воле. Главная способность проповедника к импровизации — живость от природы, а чем живее человек, тем больше он склонен поддаться смущению и волнению;
- говорить реже, намеренно замедляться. Чтобы освоиться с положением, в начале полезно задавать вопросы, делая паузы и оглядывая слушателей. Это дает возможность различать людей, видеть их глаза, что очень важно для проповедника [Амвросий (Ключарев), 85];
- уметь правильно начать проповедь: «Первое впечатление на сердце оратора, откуда бы оно ни получилось: из собственного ли его представления и душевного настроения, или со стороны — все равно непременно будет иметь сильное влияние на всю проповедь» [Амвросий (Ключарев), 81]⁸;
- уметь закончить проповедь, полагаясь не только на внимание слушателей, но ориентируясь на свои душевные силы. Окончание, как и начало, должно быть живым, а не вымученным, только тогда проповедь будет иметь силу;
- потеряв нить размышлений, можно сделать паузу (непродолжительная пауза даже усиливает внимание слушателей). Важно не бояться и помнить, что «если содержание слова в голове собрано и уложено, оно там и есть, и за совершенную потерю и забвение его опасаться нечего» [Амвросий (Ключарев), 81];
- при первых импровизациях большое значение имеет обстановка и аудитория (неудачный опыт вначале может негативно отразиться на всем дальнейшем служении). Поэтому «никто

8. О том, что самая трудная задача для проповедника — начать и закончить проповедь, сохраняя верный тон, пишет В. Бурга в своей книге «Как начать и закончить проповедь» [Бурга]. Для этого начинающим проповедникам при подготовке он рекомендует особое внимание уделить *зачину*, который должен выполнять три задачи: во-первых, в нем должна быть заявлена *тема* или обозначена *проблема*, которой посвящена проповедь (если слушатель не получил о теме четкое представление в самом начале проповеди, ему будет трудно воспринимать остальное ее содержание); во-

вторых, у слушателей должен появиться *интерес* к проповеди; в-третьих, вступление призвано установить *контакт* между проповедником и слушателями (это особенно важно, когда к пастве обращается малознакомый ей священник, или когда в храме собираются люди, не посещающие богослужения регулярно). Таким образом, проповедник должен стремиться уже первыми предложениями, произнесенными с амвона, расположить к себе слушателей. В целом, зачин не должен быть долгим, иначе слушатели утомятся и их внимание рассеивается.

не надейся на свои силы, на самообладание, на твердость характера» [Амвросий (Ключарев), 90];

- молитвенно готовиться к проповеди во время литургии (в XIX в. проповедь обычно звучала по ее окончании): «...в душе одновременно происходят два течения, не мешающих одно другому... в глубине головы возникают, сортируются, складываются мысли, а в другой стороне идет молитвенное движение чувства, еще подогреваемое прошением помощи Божьей в деле проповеди и озарения от благодати таинства» [Амвросий (Ключарев), 90].

О молитвенной составляющей в подготовке к проповеди напоминает и блж. Августин:

И в ту самую минуту, когда выходит на кафедру, прежде, нежели отверзет уста свои, пусть вознесет жаждающую душу свою к Богу, да по благодати Его отрыгнет то, чем сам напоен, и да излиет от полноты своей. Ибо... кто знает, что именно должно сказать нам в такое или в другое время, что выгоднее для наших именно слушателей — кто, говорю, знает это, кроме Того, Который видит сердца всех? [Августин Аврелий, 195].

Что касается внутренних приемов, то тут рекомендации архиеп. Амвросия основаны на его личном 30-летнем опыте импровизации:

- *выбор предмета импровизации* по силам проповедника и соответствующего самому жанру устного слова. Не рекомендуется рассуждать о сложных вероучительных и догматических предметах, требующих богословской точности, а наоборот, брать темы «усваиваемые памятью и легко передаваемые» [Амвросий (Ключарев), 93]. Проповедь должна быть из жизни, не из Писания. В этом выражается еще одно ее качество — церковность, которая невозможна без церковности самого проповедника⁹;
- в качестве подготовки к импровизации важно продумать *план* и ее *содержание*. Отличие импровизации от заученной проповеди и состоит в том, что во втором случае «вы только припоминаете... роетесь в памяти, как в мешке... но при импровизации вы чувствуете, как мысли в душе вашей сейчас роятся, переходят в образы, облакаются в слова; вы чувствуете совокупную живую

9. Церковность проповеди не в том, чтобы все было гладко, а в том, чтобы она задевала за живое, помогала решать жизненные проблемы, может быть, прямо не лежащие в плоскости данной проповеди. Церковь всегда жива, поэтому во все века в

ней звучала проповедь. Читая проповеди прежних лет, лично к нам не обращенные, мы понимаем, что в чем-то они не для нас, но в чем-то они *всегда* для нас и для последующих поколений христиан (из лекций свящ. Георгия Кочеткова по гомилетике).

работу ума, воображения и того дивного механизма, который называется даром слова» [Амвросий (Ключарев), 82]¹⁰;

- *выбор и употребление выражений*, в которых должно быть изложено христианское учение¹¹;
- и наконец, одно из самых необходимых условий успеха устной проповеди — *нормальное состояние душевных и телесных сил проповедника*¹².

Эти же рекомендации архиеп. Амвросий предлагает для воспитания молодых проповедников в духовных учебных заведениях.

Заключение

Служение проповедника требует дерзновения и мужества пророков (готовности разделить их судьбу — т. е. быть неслышанными, *гонимыми за правду*, готовыми заплатить даже ценой своей жизни за открывающуюся им истину), а также ответственности и мудрости учителей. Призвание на это служение включает некую тайну: «И как проповедовать, если не будут посланы?»^{*1} Сам Господь выделяет из среды верующих наиболее искусных, но ожидает готовности выйти на проповедь от каждого верного.

Перед началом служения проповеднику необходима серьезная ответственная подготовка и трезвенное испытание себя. Как писал блж. Августин, «кто желает и сам научиться, и других учить, тот пусть изучает предметы наставления, пусть приобретает способность говорить, как прилично церковному лицу»

*1 Рим 10:15

10. Поэтому незадолго до произнесения проповеди нужно сообразить объем и содержание предмета, можно сделать *краткие* предварительные заметки: «...дать предстоящему слову некоторую форму... в которой были бы отмечены два или три главных отдела слова, составляющих существенные части предмета, для разделения и ясного его представления, без особенного дробления на частные мысли» [Амвросий (Ключарев), 100]. В остальном произнесение проповеди является движением творчества, «то есть произведение новых мыслей и неожиданное открытие таких сторон в предмете, которые прежде не имелись в виду» [Амвросий (Ключарев), 98], что зачастую становится неожиданностью для самого импровизатора.

11. Об этом архиеп. Амвросий говорит, что нужно «слово, соответствующее достоинству предмета, месту и чистому вкусу слушателей» [Амвросий (Ключарев), 101]. Он заботился о чистоте языка и советовал начинающим проповедникам изучать творения церковных ораторов, особенно «великого художни-

ка церковного слова Московского митр. Филарета. В этом отношении желающим приучить себя к импровизациям вменяется в *обязанность* приобретать возможно глубокое знание учения веры со всеми особенностями его внешнего облачения и изложения» [Амвросий (Ключарев), 102]. Высокий пример являет также свт. Иоанн. Златоуст, который «при изображении самых ярких картин современной ему народной и даже языческой жизни с необыкновенной тщательностью охранял достоинство церковного слова» [Амвросий (Ключарев), 103].

12. Перед произнесением проповеди оратор может почувствовать усталость, недомогание, но в этом случае для него на первом месте должно быть исполнение его служения. Необходимо осознание того, что каждый день, в который возможность для произнесения проповеди осталась нереализованной, прожит зря. Если это осознание есть, то многие немощи отступают и рассыпаются [см.: Амвросий (Ключарев), 87].

[*Августин Аврелий, 195*]. Но в самый момент выхода на проповедь важно помнить слова Господа: «...не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»^{*1}. Об этом говорил и архиеп. Иннокентий (Борисов): «...вместе с проповедником христианским действует и Сам Дух Святой... Без Него все наше красноречие — медь звенящая, а с Ним самая простота и безыскусственность всеильны» [цит. по: *Разумихин, 134–135*]. По его мнению, истины веры достигают слушающих не искусством проповедника, а собственной силой. В них самих заключается «такая внутренняя мощь и жизнь, что они вполне могут заменить собою всякое искусство проповедника, тогда как их ничто заменить не может» [*Разумихин, 133–134*]. По словам еп. Александра (Семенова-Тян-Шанского), «тайна возвещается, тайна благовествуется, но тайна — все же остается тайной» [цит. по: *Шмеман. О церковной проповеди, 750*].

*1 Мф 10:19–20

В итоге можно сделать следующие выводы:

1. Ответ на вопрос, кто в церкви может проповедовать, связан с проблемой узнавания духовно старшего в собрании верующих, избранного и поставленного на это служение Самим Богом.

2. Первостепенная задача проповедника — соработничество со Христом в деле спасения народа Божьего. В церкви каждый верный должен быть готов к свидетельству своей жизнью, Господь же избирает искусных в «служении Слова» и Сам посылает их на проповедь.

3. Разделение церкви на учащую (к которой принадлежит почти исключительно клир) и учащуюся чуждо Православию. Сам факт рукоположения не является гарантией дара учительного и тем более пророческого¹³.

4. Важнейшее качество проповедника — его церковность, глубокая укорененность в традиции. Всесторонняя образованность (в том числе знание риторских приемов) помогает проповеднику выражать мысль связно и логично и желательна в подготовке гомилета к проповеди, но не является определяющей.

5. В Церкви *весь* народ Божий составляет царственное священство, а значит, служит хранителем и выразителем Истины.

13. Опыт старчества на Руси подтверждает мысль, что проповедником может быть и мирянин, если пресвитер по какой-либо причине не служит даром слова: «Дух дышит где хочет» (Ин 3:8).

Ответственность за творческие усилия в ее познании лежит на каждом верующем, что требует подготовки не только от проповедника, но и от его слушателей.

6. Проповедь — всегда возвешение воли Божьей, которая связана с тайной Слова Прореченного и Слова Воплощенного. В конечном итоге это дело богочеловеческое. Как бы тщательно проповедь ни была продумана и подготовлена заранее, в момент ее произнесения нужно дать действовать духу Божьему.

7. Существование в церкви проповеди письменной и устной (импровизации) одинаково оправдано. В то же время, хотя устная проповедь не всегда идеальна и последовательна, она имеет некоторое преимущество перед письменной, поскольку непосредственно связана с жизнью, обращена к конкретным слушателям и лучше достигает их сердец, следовательно, более действенна.

8. В каждом случае к проповедничеству нужно серьезно готовиться. В частности, импровизация требует определенного настроения ума и сердца. Она связана с большим риском и с большей ответственностью.

Дар учительности, как и все Божьи дары, может проявляться только в церкви. Проблема его угасания связана с кризисом богослужения, который может быть преодолен лишь когда церковь перестанет служить «на потребу». Соединение закона веры и закона молитвы произойдет тогда, когда на первый план выйдут не институциональные вещи, а внутренняя норма жизни церкви — осознание себя прежде всего как Тела Христова.

Литература

1. *Августин Аврелий* = Августин Аврелий. Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия. СПб. : Библиополис, 2007. 508 с.
2. *Аверкий (Таушев)* = Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство по гомилетике. URL: http://www.pravlib.ru/averky_rukov_gomiletika.htm (дата обращения: 01.07.2012).
3. *Амвросий (Ключарев)* = Амвросий (Ключарев), архиеп. Искусство проповеди. М. : Издательство Сретенского монастыря, 2006. 176 с.
4. *Антоний (Блум)* = Антоний (Блум), митр. Пастырство. Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2005. 460 с.
5. *Афанасьев* = Афанасьев Николай, протопр. Служение мирян в Церкви. М : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1995. 103 с.

6. *Бурега* = Бурега В. Как начать проповедь? URL: <http://www.bogoslov.ru/text/397846.html> (дата обращения: 01.07.2012).
7. *Ветелев* = Ветелев Александр, прот. История проповедничества Русской Православной Церкви : Учебное пособие для студентов 4-го класса. URL: http://otechnik.narod.ru/istpropc_1.htm (дата обращения: 01.07.2012).
8. *Дидахе* = Дидахе или Учение двенадцати апостолов // Писания мужей апостольских. Рига : Латвийское библейское общество, 1992. С. 17–38.
9. *Желудков* = Желудков Сергей, свящ. Литургические заметки. М. : Sam & Sam ; Мартис-пресс, 2003. 251 с.
10. *Певницкий* = Певницкий В. О., проф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев : Тип. И. И. Горбунова, 1906. 296 с.
11. *Разумихин* = Разумихин А. И. История русской проповеди. М. : кн. маг. «Правоведение» И. К. Голубева, 1904. 168 с.
12. *Шмеман. Из лекций* = Шмеман Александр, прот. Из лекций по пастырскому богословию // Он же. Собрание статей, 1947–1983 : Сборник / Сост. Е. Ю. Дорман. М. : Русский путь, 2009. С. 733–737.
13. *Шмеман. О церковной проповеди* = Шмеман Александр, прот. О церковной проповеди // Он же. Собрание статей, 1947–1983 : Сборник / Сост. Е. Ю. Дорман. М. : Русский путь, 2009. С. 748–750.

Joanna-Yana Kalninia

Problems of a Homilist Preparation for Preaching

The article examines process of a homilist preparation for preaching as for the ministry of word. The process comprises several stages: formation of the personality of the future preacher, calling for the ministry, acquisition of special knowledge. Problems of preparation directly for the delivery of a sermon are touched upon separately. Of additional interest is analysis of two autonomous types of sermon: written and oral (improvisation) and peculiarities of preparation for each of them.

The author comes to the conclusion that recommendations for preparation for preaching in different ages of Christian history to a large extent coincide. It indicates that this particular ministry is rooted in the tradition of the original Church, i. e. in the ministry of Christ and His disciples.

KEYWORDS: sermon, homilist, didactics, prophet, improvisation.